

DOI: 10.17976/jpps/2019.02.02

КАК И ЗАЧЕМ ИЗМЕРЯТЬ И СРАВНИВАТЬ ГОСУДАРСТВЕННУЮ СОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ РАЗНЫХ СТРАН МИРА? ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

А.С. Ахременко, И.Е. Горельский, А.Ю. Мельвиль

АХРЕМЕНКО Андрей Сергеевич, доктор политических наук, профессор факультета социальных наук, академический руководитель магистерской программы “Прикладная политология”, Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Москва, email: aakhremenko@hse.ru; **ГОРЕЛЬСКИЙ Илья Евгеньевич**, студент магистерской программы “Прикладная политология” факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Москва, email: iegorelskiy@edu.hse.ru; **МЕЛЬВИЛЬ Андрей Юрьевич**, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, декан факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Москва, email: amelville@hse.ru

Ахременко А.С., Горельский И.Е., Мельвиль А.Ю. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? Теоретико-методологические основания. — Полис. Политические исследования. 2019. № 2. С. 8-23. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.02>

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01651), Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”. Мы благодарны Томасу Волджи, Грэму Гиллу, Вильяму Томпсону, Ф.Т. Алескерову, М.В. Ильину, М.Г. Миронюку, В.И. Якубе, А.Л. Мячину и другим нашим коллегам за ценные замечания, полученные в ходе работы.

Статья поступила в редакцию: 06.11.2018. Принята к публикации: 26.12.2018

Аннотация. В данной статье рассматриваются теоретико-методологические основания концепта государственной состоятельности, под которой понимается способность государства выбирать и эффективно реализовывать собственные решения, в том числе касающиеся внутренней и внешней политики. Авторы подчеркивают, что одной из отличительных особенностей концепта является его многомерность, что приводит их к идее рассмотрения государственной состоятельности как многосоставного явления, комплекса взаимосвязанных способностей (“состоятельств”), которыми обладает современное государство. В соответствии с данным предположением авторы останавливаются на трех основных измерениях государственной состоятельности: военно-принуждающей (обеспечение внешней безопасности и внутреннего порядка), экстрактивной (доступные в распоряжении государства финансовые ресурсы) и административно-бюрократической (качество административных и бюрократических институтов) способностях государства. Выбор измерений опирался прежде всего на идею наличия у любого современного государства ключевых (“зонтичных”) функций, которые, в свою очередь, могут послужить критерием для проведения сравнительных исследований. При переходе к операционализации подчеркивается особая важность соблюдения баланса между “максималистским” и “минималистским” подходами к отбору показателей. В рамках работы приводится обоснование использования набора индикаторов государственной состоятельности (для принуждающей способности – данные по военным расходам и агрегированный показатель контроля над насилием; для экстрактивной способности – собираемость подоходных налогов и совокупные доходы государственного бюджета, оба – в процентах к ВВП; для административно-бюрократической способности – агрегированный показатель качества управленческих институтов и уровень теневой экономики), который послужит

основой для проведения эмпирического исследования и выделения характерных для отдельных групп стран устойчивых структур государственной состоятельности.

Ключевые слова: государственная состоятельность, могущество и влияние, методология, измерение, количественные и качественные методы, качество институтов, контроль над насилием, легальная экономика, налоги и доходы государства, сравнительный анализ.

ВВЕДЕНИЕ

Проблематика государства, государственности (*stateness*) и государственной состоятельности (*state capacity*) заняла одно из центральных мест в современной политической науке, начиная с 1980-х годов, когда “возвращение государства” [Evans, Rueschemeyer, Skocpol 1985] потеснило прежде преимущественный интерес к сравнительному изучению различных политических систем и соответствующим теоретико-методологическим исследованиям. Впрочем, признаки такого поворота намечались и раньше [Huntington 1968; Nettl 1968]. В последние два десятилетия вопросы, связанные с формированием новых государств, становлением государственности, государственным строительством, различиями в качестве государственных институтов и государственной состоятельности в целом, становятся важнейшим фокусом сравнительной политологии и ряда других научных дисциплин, включая социологию, политическую экономию, конфликтологию, мировую политику и др.

Государственная состоятельность, понимаемая прежде всего как способность государства выбирать и эффективно реализовывать собственные решения, в том числе касающиеся экономической, социальной, внутренней и внешней политики [Kjær, Hansen, Thomsen 2002], может рассматриваться как зависимая, либо независимая переменная. В первом случае исследование может быть нацелено на выявление факторов (экономических, социальных, политических и иных), которые потенциально могут оказывать или реально оказывают влияние на качество государственной состоятельности в разных странах. Среди таких факторов могут быть уровни экономического и социального развития, качество человеческого капитала, характеристики политических режимов, традиции и особенности институционального развития, внутренние расколы разного рода, особенности внешней среды и др. Во втором — сама государственная состоятельность, независимо от специфики ее концептуализации, рассматривается как фактор влияния на различного рода эффекты и последствия. В том числе на упомянутые выше уровни экономического и социального развития, конкретные режимные характеристики, стабильность либо неустойчивость существующего политического режима, место того или иного государства в мировой системе и др. При обоих подходах государственная состоятельность выступает в качестве важного инструмента сравнения различных государств — особенно в части их национальной мощи и влияния, существенных внутренних характеристик, доступных ресурсов и эффективности их использования.

Буквально “тонны” теоретических и, главное, эмпирических исследований, проведенных в последнее время, выявляют ряд закономерностей (хотя они и продолжают оспариваться). Речь идет о подтверждении положительной связи между государственной состоятельностью и экономическим ростом [Bräutigam 2002; Besley, Persson 2009; Knutsen 2013; Acemoglu, Garcia-Jimeno, Robinson 2015; Dincecco, Katz 2016; Johnson, Koyama 2017 и др.] или общим уровнем социально-экономического развития [Rajan 2009; Hau 2012; Besley, Persson 2014; Sekeris 2015].

Эмпирически подтверждаются теоретические гипотезы относительно связи уровня государственной состоятельности с интенсивностью внутренних конфликтов и войн [Mares 2005; Fjelde, Soysa 2009; Besley, Persson 2010; Braithwaite 2010; Hendrix 2010; Sobek 2010; Thies 2010; Cortright, Seyle, Wall 2013; Gibler, Miller 2014; Gennaioli, Voth 2015; Cardenas, Eslava, Ramirez 2016; Mason, Greig 2017; Blankenship 2018] и с уровнем человеческого развития и человеческого капитала [Englehart 2009; Berliner et al. 2015]. Эмпирически исследован и феномен “неуспешных” государств (*Failed States*) [Way 2003; Kraxberger 2007; Englehart 2009].

Несколько меньше определенности в эмпирически полученных выводах относительно взаимозависимости между государственной состоятельностью и режимными характеристиками. В общем и целом подтверждается связь между государственной состоятельностью (прежде всего качеством институтов) и демократией. Но по-прежнему дискуссионным остается вопрос об “успешных” автократиях и эффективной/оптимальной последовательности режимных изменений (что первично – укрепление государственной “вертикали” или демократизация?). Мнения и аргументы здесь высказываются разные [Cheibub 1998; Bäck, Hadenius 2008; Robinson 2008; Albertus, Menaldo 2012; Herrera, Martinelli 2013; Fortin-Rittberger 2014a; Mazzuca, Munck 2014; Carbone, Memoli 2015; Stepping, Banholzer 2017 и др.]. В последнее время на передний план сравнительных исследований вышел вопрос о государственной состоятельности как важном факторе стабильности и устойчивости/выживаемости различных типов недемократических режимов, от гибридных до “жестких” диктатур [Slater, Fenner 2011; Andersen et al. 2014; Seeberg 2014; Carbone, Memoli 2015; White, Herzog 2016; Hanson 2018; Seeberg 2018]. Намечились также потенциально перспективные дискуссии относительно государственной состоятельности на субнациональных уровнях в разных странах и регионах [Edin 2003; Schwartz 2003; Foa, Nemirovskaya 2016].

Дискуссии относительно государственной состоятельности продолжаются и, несомненно, будут продолжаться, поскольку сейчас это своего рода средоточие междисциплинарных усилий, направленных на раскрытие важных зависимостей между различными состояниями государств, влияющими на них факторами и различными последствиями.

Наша задача в этой статье – внести свой вклад в прояснение ряда теоретико-методологических вопросов, связанных с некоторыми существенными аспектами *концептуализации* государственной состоятельности, а также в разработку некоторых перспективных эмпирических подходов к *сравнительному анализу государственной состоятельности* в разных странах. Мы опираемся на наши предшествующие разработки [Мельвиль, Стукал, Миرونюк 2012a; Мельвиль, Стукал, Миرونюк 2012b; Melville, Stukal, Mironyuk 2013; Ахременко, Локшин, Петров 2016; Мельвиль, Ефимов 2016] и исходим из того, что концептуализация предшествует операционализации и измерению [Schedler 2012: 21] и что осуществляемый нами эмпирический анализ вытекает из предлагаемых теоретико-методологических оснований.

В соответствии с этими базовыми установками статья организована следующим образом – после введения мы рассматриваем различные варианты концептуализации государственной состоятельности и на этой основе далее определяем варианты ее операционализации и измерения, а затем осуществляем эмпирическое исследование и обсуждаем его результаты.

ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

В современной литературе нет единства в подходах к концептуализации государственной состоятельности и ее различных компонентов. Как, характеризуя государственную состоятельность, сформулировал К. Хендрикс, “концепт все еще в поисках точных определений и измерений” [Hendrix 2010: 273]. Но есть все же и некоторые общие сюжеты. Это, в частности, понимание государственной состоятельности как важного измерения национальной мощи/власти, в той или иной мере обеспечивающего достижение поставленных целей на основе использования доступных ресурсов. “Мы понимаем государственную состоятельность как форму власти (*power*) — власти государственных агентов по принуждению членов общества делать то, что они не делали бы в противном случае — и мы рассматриваем политические инструменты как средства или орудия, с помощью которых государства осуществляют свою власть” [Lindvall, Teorell 2016: 7].

Не менее важным представляется то широко признаваемое в литературе обстоятельство, что понимаемая таким образом государственная состоятельность, строго говоря, не может наблюдаться непосредственным образом, поскольку является по своей сути *латентной сущностью*. О государственной состоятельности можно преимущественно судить по ее *эффектам/последствиям* и по *факторам/причинам*, которые могут оказывать на нее влияние.

Далее, отличительной особенностью государственной состоятельности, помимо ее явно не наблюдаемого, латентного характера, является ее *многомерность* как сложного комплексного и многосоставного явления и — соответственно — аналитической категории. Фактически речь идет о *комплексе взаимосвязанных способностей* (“*состоятельств*”), которыми обладает современное государство, что, в свою очередь, связано с множеством важных и разнообразных функций, которые оно призвано выполнять, решая как традиционные (обеспечение порядка и безопасности, подчинения, концентрации ресурсов и др.), так и все более разнообразные новые задачи (инновационное развитие, социальное обеспечение и др.).

Здесь неизбежно возникает другая концептуальная сложность: готовы ли мы понимать и трактовать государственную состоятельность как некую единую и обобщенную характеристику современного государства — и, соответственно, по этому общему параметру осуществлять сравнительный анализ различных государств — или же дифференцировать такое сравнение по отдельным измерениям государственной состоятельности? Если да, то как? Иными словами, *одна состоятельность/способность* или *много* у одного и того же государства (и в тот или иной промежуток времени), и как они связаны между собой?

Отсюда и другая существенная сложность концептуального характера: как наиболее эффективно выделить и классифицировать ключевые (“зонтичные”) функции современного государства? Ф. Фукуяма, например, перечисляет следующие многочисленные аспекты государственной состоятельности, вытекающие из происходящего в современных условиях расширения государственных функций: обеспечение обороны, поддержание закона и порядка, обеспечение прав собственности, защита неимущих, здравоохранение, образование, защита окружающей среды, поддержка безработных, макроэкономическое регулирование, содействие развитию рынков и многое другое [Fukuyama 2004]. Понятно, что реестр функций современного государства может быть продолжен и дополнен, однако такой максималистский подход

вряд ли подходит для концептуализации и дальнейшей операционализации ключевых индикаторов государственной состоятельности.

В качестве альтернативных в современной литературе предлагаются и минималистские варианты. Например, для К. Хендрикса государственная состоятельность — это военная и административно-бюрократическая способности, а также качество политических институтов [Hendrix 2010]. Дж. Хансон и Р. Сигман выделяют три аспекта государственной состоятельности — способность к налогообложению, способность к принуждающему насилию и административную способность [Hanson, Sigman 2013]. А. Савоя и К. Сен к этому списку добавляют легальную способность, понимаемую как обеспечение контрактов и прав собственности, и инфраструктурную способность, т.е. обеспечение выполнения государственных решений на всей территории и в обществе в целом [Savoia, Sen 2012]. В некоторых случаях в список государственных функций добавляют легитимацию, понимаемую как способность символического/идеологического доминирования для обеспечения национального консенсуса [Wang 1995: 89]. В других — государственная состоятельность практически отождествляется с наличием некоррупцированного и эффективного государственного аппарата [Charon 2016].

Словом, вариантов много, но, как бы то ни было, остается важная концептуальная проблема — как среди множества государственных функций и способностей вычленивать базовые и “зонтичные”, позволяющие эффективно осуществлять сравнительный анализ различных государств по исследуемому параметру? Эта проблема вряд ли имеет однозначное решение, однако здесь возможны некоторые обобщения, позволяющие выйти на приемлемую (хотя, конечно, условную) концептуализацию государственной состоятельности.

12 Отправным пунктом в данном случае может служить своего рода “веберинская” традиция понимания монополии принуждающего насилия как базовой характеристики государства и государственности. Без этой способности не может идти и речи о состоятельности государства — как в исторической перспективе, так и современного. Иными словами, первая ключевая характеристика государственной состоятельности — способность обеспечивать внешнюю безопасность и внутренний порядок (контроль над негосударственным насилием). Это, таким образом, первая базовая *принуждающая способность*, одна из основ государственной состоятельности.

Вторая важная для концептуализации государственной состоятельности традиция связана с подходом Ч. Тилли к пониманию способности государства извлекать посредством налогов необходимые финансовые средства, прежде всего для ведения войн [Tilly 1992]. Соответствующая фискальная способность столь же важна, как и принуждающая способность, для осуществления обширного комплекса государственных функций. Вместе с тем необходимо учитывать, что имеющиеся в распоряжении у государства ресурсы связаны не только с налогами (что концептуально принципиально важно), но и с иными государственными доходами, используемыми для реализации тех или иных государственных решений. Причем для некоторых типов государств (прежде всего “нефтяных”, но не только) именно неналоговые доходы оказываются наиболее важным ресурсом, влияющим на избираемые стратегии и ключевые политические решения. Поэтому применительно ко второму — условно, “экстрактивному” — компоненту государственной состоятельности необходимо учитывать не только уровни налоговых поступлений (что признается как обязательный критерий в современной литературе), но и совокупные государственные дохо-

ды, в том числе получаемые не за счет налогообложения. Кроме того, наличие ресурсов, обеспечиваемых “экстрактивной” способностью государства, отнюдь не обязательно предполагает эффективность их использования.

Именно поэтому третий важный для концептуализации государственной состоятельности момент связан с качеством административных и бюрократических институтов — их эффективностью, успешностью контроля и ограничения коррупции, соответствием меритократическим принципам, “прозрачностью” процедур и принимаемых решений и др. По сути дела, это общепринятые сегодня критерии оценки и сравнения состояния государственного управления в разных странах, фиксируемые многими распространёнными аналитическими инструментами, в том числе рейтингами и пр. Соответствие этим критериям является третьим базовым — *административно-бюрократическим* — измерением государственной состоятельности.

Выделенные нами три базовые государственные способности — военно-принуждающая, экстрактивная (фискально-экономическая) и административно-бюрократическая — пересекаются и в значительной мере покрывают известную классификацию М. Манна, который выделяет принуждающую (“деспотическую”) и инфраструктурную состоятельности государства [Mann 1984; см. также Slater 2008; Soifer 2008; Soifer, vom Hau 2008; Fortin-Rittberger 2014b]. В некоторых случаях предлагаются и другие варианты классификации — преимущественно дополняющие предложенную нами выше “трехчленку”: включающие, например, еще и “легальную” [Savoia, Sen 2012; Cingolani 2013] или “легитимационную” [Wang 1995] способности. Однако в содержательном плане эти дополнения фактически перекрываются рассмотренными выше военно-принуждающим, экстрактивным и административно-бюрократическим измерениями, составляющими основу предлагаемой нами концептуализации государственной состоятельности.

В других случаях, и их, надо сказать, не так уж мало, в качестве еще одного компонента концептуализации государственной состоятельности предлагается рассматривать еще и ее “политическое” измерение [Jackman 1993; Arbetman-Rabinowitz, Johnson 2007; Hendrix 2010; Kugler, Tammen 2012; Afzal 2015 и др.]. Речь идет о различных попытках концептуализации, а в ряде случаев и операционализации, четвертого компонента рассматриваемого нами феномена — “политической состоятельности” (*political capacity*). Здесь нет какого бы то ни было единства мнений, и предлагаемые подходы представлены достаточно широким спектром. С одной стороны, уже с 1980-х годов [Organski, Kugler 1980; Political Capacity... 1997] выдвигаются аргументы в пользу так называемой относительной политической состоятельности (*relative political capacity*), понимаемой по сути дела как совокупный государственный потенциал, независимо от политической системы и политического режима, характера представительных и исполнительных институтов и пр., отражающий общую способность государства по извлечению и аккумуляции ресурсов для достижения поставленных целей. В таком понимании “относительная политическая состоятельность” фактически включает в себя многие рассмотренные выше компоненты государственной состоятельности, что ставит вопрос о методологической обоснованности и целесообразности ее эмпирического использования. С другой стороны, предпринимаются также попытки свести предлагаемый концепт политической состоятельности преимущественно к режимным характеристикам, в результате чего размывается ее понятийная специфика, что тоже подчеркивается рядом авторов [Cingolani 2013: 32]. Поэтому

в нашем исследовании основные компоненты государственной состоятельности сводятся к трем выделенным выше измерениям.

ПРОБЛЕМЫ ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИИ И ИЗМЕРЕНИЯ

В сравнительной политологии, как и в других отраслях социальных наук, концептуализация рассматриваемых феноменов представляет собой отправную точку для дальнейшей разработки стратегии эмпирического исследования [Soifer 2008; Schedler 2012]. В этом смысле *концептуализация первична*, поскольку именно она задает основные ориентиры для поиска соответствующих ей инструментов и технологий операционализации и измерения, которые, в свою очередь, предполагают и опираются на определенное согласие относительно базовых концептов исследования. Как мы убедились выше, концептуализация государственной состоятельности представляет собой непростую задачу — особенно ввиду многомерности самих изучаемых явлений. Но существует и целый ряд дополнительных сложностей, связанных с определением инструментов и технологий измерения.

Прежде всего, речь идет о целом ряде внутренних ограничений, которые обусловлены самими процедурами операционализации и измерения. Следует учитывать, что эти процедуры — и, конечно, не только применительно к нашему предмету исследования, — предполагают определенную *редукцию и упрощение* — по крайней мере, в отношении самого объекта концептуализации. Измеряя, мы, условно говоря, “спрямляем” реальную сложность “живых” социально-политических явлений и процессов. Кроме того, возвращаясь к проблеме латентного характера изучаемой сущности, необходимо учитывать, что не все аспекты этих явлений и процессов поддаются измерению и, строго говоря, наблюдению. Приходится искать решения и применительно к такой проблеме, как отсутствие, иной раз полное, количественных характеристик некоторых явлений и процессов, в том числе связанных с мотивами субъективных действий вовлеченных акторов и др.

14

То, что реально наблюдаемо и измеряемо применительно, в частности, к рассматриваемой нами государственной состоятельности, относится преимущественно к возможным определяющим факторам и их эффектам. Это обстоятельство подчеркивалось нами выше, в контексте рассмотрения проблем концептуализации. Ключевым в данном случае становится вопрос о выборе и операционализации индикаторов, соответствующих общему концептуальному замыслу исследования. Здесь возникает целый ряд методологических развилок, но центральную из них можно описать как “максималистский” и “минималистский” подходы к отбору показателей.

С одной стороны, может возникнуть искушение учесть максимальный объем индикаторов, так или иначе характеризующих исследуемые явления и процессы. Например, Дж. Хансон и Р. Сигман в своих попытках построить комплексный индекс государственной состоятельности для сравнения разных стран используют свыше двух десятков индикаторов, которые так или иначе могут характеризовать принуждающую, экстрактивную и административную способности государства, и обрабатывают их методом так называемого *latent variable analysis* (анализа латентных переменных) с использованием байесовского подхода [Hanson, Sigman 2013; 2016].

Такой подход имеет свои преимущества: очевидно, большее число индикаторов — при прочих равных условиях — несет в себе больший объем информации. Однако одновременно с увеличением числа показателей будет

увеличиваться и объем дублирующей информации (для социальных наук это справедливо почти всегда) — идентичных по сути различий между государствами, численно фиксируемых разными переменными. Можно сказать, что показателей становится значительно “больше”, чем той полезной информации, которую они в себе несут, и массив данных начинает страдать от “информационного шума”. Типичным эмпирическим проявлением дублирования информации в индикаторах являются их сильные взаимные корреляции (которые, кстати, и позволяют осуществлять упомянутый выше анализ латентных переменных; к этой проблеме мы вернемся в следующей статье, посвященной эмпирическому исследованию государственной состоятельности).

Следует отметить, что при решении некоторых задач наличие взаимных корреляций не только допустимо, но и необходимо. Классический пример — измерение “качества государства” в рамках широко известных *World Governance Indicators (WGI)*. Базовая логика этого проекта основана на представлении о “качестве государства” как скрытой *одномерной* сущности; разные наблюдаемые индикаторы раскрывают, фактически, некоторые нюансы и аспекты *одного и того же* явления. В такой постановке задачи сильные взаимные корреляции естественны и необходимы, — их отсутствие прямо свидетельствовало бы против замысла авторов. Но такова ли природа государственной состоятельности? Ответ на этот вопрос, как минимум, не очевиден. Выше мы привели теоретические аргументы в пользу “истинно многомерной” природы этого явления, а в следующей статье приведем и прямые эмпирические свидетельства. При этом подход “чем больше показателей, тем лучше” неизбежно и, возможно, искусственно *создает* сильные корреляции внутри массива данных, мешая выявлению его многомерных свойств.

С другой стороны, предпринимаются многие попытки предложить ограниченный набор индикаторов, небольшое число которых способно максимально полно и в то же время компактно отражать ключевые — в рамках заданной концептуализации — характеристики государственной состоятельности. Для Н. Чаррона, например, это “некоррупцированная и эффективная бюрократия”, измеряемая с помощью показателей *ICRG (International Country Risk Guide)* и *WGI (World Governance Indicators)* [Charron 2016]. Х. Бак и А. Хадениус в этих целях обращаются к индексу “бюрократического качества”, рассчитываемому также по базе данных *ICRG* [Bäck, Hadenius 2008]. Дж. Фортин предпочитает так называемые контрактные деньги (*contract intensive money*), рассчитываемые по показателям МВФ и используемые как показатель доверия к национальным финансовым институтам [Fortin 2010]. В. Попов предлагает использовать уровень убийств на 100 тыс. населения (по данным Всемирной организации здравоохранения и Всемирного банка) и процент теневой экономики — тоже по данным Всемирного банка [Роров 2011].

Такой подход значительно ближе к нашему пониманию специфики государственной состоятельности и особенностей ее измерения. Он позволяет избежать лишнего “шума” данных и максимально четко “привязать” итоговый набор переменных к концептуальному уровню исследования. При этом, конечно, мы не пытаемся редуцировать государственную состоятельность до одного-двух “идеальных” показателей, которых, скорее всего, просто не существует. Поэтому в рамках процедур операционализации мы пойдем по пути отбора компактного (но при этом достаточного!) набора индикаторов, отражающих теоретически сформулированные аспекты государственной состоятельности.

Разумеется, выбор конкретных переменных должен удовлетворять еще и общим требованиям к качеству и полноте информации (проблемы пропущенных данных во временных рядах, широты пространственного охвата, надежности оценок и др.).

* * *

На основе приведенных выше методологических соображений общего характера и предложенной концептуализации государственной состоятельности мы переходим к *конкретной операционализации* ее трех содержательно рассмотренных компонентов и обсуждению данных, используемых в дальнейшем эмпирическом анализе (по состоянию на 2015 г.).

В рамках предлагаемой нами операционализации измерение *военно-принуждающей* способности государства основано на двух индикаторах: (а) военных расходах для обеспечения внешней безопасности (в процентах от ВВП) и (б) агрегированном показателе контроля над насилием внутри страны. Эти индикаторы отражают классическую веберовскую логику легитимной монополии на принуждающее насилие, а также понимание государства как последнего арбитра в управлении социальными, этническими, религиозными и иными конфликтами [Pattayak 1995]. Речь идет, во-первых, о возможности государства противостоять угрозам извне и, во-вторых, об отсутствии неподконтрольного государству насилия внутри его границ, независимо от того, что или кто является его источником. За этой переменной для эмпирической части исследования мы закрепили название “*военные расходы*”.

Применительно к первому аспекту мы берем показатели военных расходов как доли ВВП, поскольку рассмотрение их в расчете на душу населения систематически завышает способности богатых государств с относительно небольшой долей населения по сравнению с другими. Соответствующий авторитетный источник эмпирических данных – Стокгольмский институт исследования проблем мира [SIPRI... 2017].

Второй аспект измерения учитывает преднамеренные бытовые убийства и жертвы внутренних конфликтов. Здесь естественной и общепринятой в мировой практике единицей измерения является число случаев на 100 тыс. населения. Основой для данных по числу преднамеренных бытовых убийств послужила статистика ООН [UNODC... 2015]. В отдельных случаях для заполнения пропусков в данных мы обращались к статистике Всемирной организации здравоохранения (*World Health Organization*)¹, базам данных по числу жертв убийств в странах Европы (*Eurostat*)², а также к проектным данным Института показателей здоровья и их оценки Университета Вашингтона (*Institute for Health Metrics and Evaluation*) [GBD... 2016], которые позволили нам сопоставить данные для отдельных наблюдений за предыдущие годы и использовать корректирующие коэффициенты для заполнения пропусков.

Совместная база данных Института исследований мира в Осло (*Peace Research Institute Oslo*) и Университета Уппсалы (*Uppsala Universitet*) стала отправной точкой для получения показателя числа жертв конфликтов [Sundberg, Melander 2013]. Для учета данных по конфликтам в отдельных регионах мы

¹ WHO Global Health Estimates (2015 Update). URL: <http://apps.who.int/violence-info/homicide/> (accessed 05.11.2018).

² Intentional Homicide Victims by Age and Sex – Number and Rate for the Relevant Sex and Age Groups. – Eurostat. 2018. URL: <https://goo.gl/4ZCsiB> (accessed 05.11.2018).

использовали дополнительные источники: данные по вооруженным конфликтам и их жертвам в странах Африки, Азии и Ближнего Востока (*Armed Conflict Location & Event Data Project*) [Raleigh, Dowd 2015]; данные по Мексике, странам Центральной Америки и Карибского бассейна, а также дополнительные данные по странам Африки – научный проект Университета Техаса (*Social Conflict Analysis Database*) [Salehyan et al. 2012]. Удачным решением, на наш взгляд, стало также обращение к порядковой шкале базы данных эпизодов политического (гражданского и этнического) насилия (*Major Episodes of Political Violence, MEPV*) [Marshall 2017]: в том случае, если в государстве полностью отсутствовали такие эпизоды, и у нас не было сведений о наличии жертв внутренних конфликтов, а также сомнений в достоверности полученных результатов, мы присваивали этой переменной нулевое значение. Агрегирование показателя контроля насилия произошло путем суммирования числа преднамеренных бытовых убийств и жертв конфликтов, имеющих одинаковую размерность. В силу сильнейшей асимметрии распределения данных по принуждению мы прибегли к шкалированию полученных показателей (от 1 до 10) для дальнейшей обработки и содержательной интерпретации результатов. Итоговая величина получила наименование “*контроль над насилием*”.

Операционализация *экстрактивной способности* государства к извлечению экономических и финансовых (в том числе налоговых) ресурсов основывается на двух индикаторах: (а) собираемость подоходных налогов (в процентах от ВВП) и (б) совокупные доходы государственного бюджета (тоже по отношению к ВВП). Следует отметить, что эти показатели не тождественны друг другу: имеющиеся в распоряжении государства ресурсы далеко не всегда являются результатом грамотной налоговой политики в отношении населения, а некоторые страны, обладающие большими запасами полезных ископаемых, формируют доходную часть своего бюджета преимущественно за счет неналоговых поступлений. Тот факт, что две эти переменные измеряют различные аспекты экстрактивной способности, подтверждается отсутствием сильной линейной зависимости между показателями: корреляция налоговых поступлений и доходов государства за 2015 г. приблизительно равна 0.52. Между тем перед нами стояла задача включить в рассмотрение только такие данные, которые отражают исключительную способность государства *самостоятельно* извлекать ресурсы. Именно поэтому для получения несмещенных оценок по налогам и доходам была предпринята попытка скорректировать имеющиеся показатели, отказавшись от учета помощи других стран и социальных взносов населения, для чего мы использовали данные Международного института исследования экономического развития при ООН [McNabb 2017]. В эмпирической части исследования индикаторы фигурируют как “*собираемые налоги*” и “*доходы государства*”, соответственно.

При операционализации *административно-бюрократической способности* государства нами рассматривались (а) качество управленческих институтов (*World Governance Indicators*) и (б) показатель теневой экономики. Первый индикатор получен нами после применения метода главных компонент (МГК) к четырем показателям *WGI* (при сохранении более 90% исходной доли дисперсии): (1) эффективности государственного управления; (2) качества административного регулирования; (3) верховенства закона; (4) контроля над коррупцией [Kaufmann, Kraay, Mastruzzi 2011]. На наш взгляд, именно такой набор переменных позволяет взглянуть на возможности государства эффективно администрировать собственную территорию без апелляции к специфическим

режимным характеристикам, таким как гласность и отсутствие политического насилия, включенным в индекс *WGI* в качестве отдельных индикаторов. Рассматриваемые компоненты рассчитываются на основе статистических показателей, результатов социологических опросов и экспертных оценок, а итоговые стандартизированные индикаторы измеряются в интервальной шкале. Отметим, что наш выбор в пользу такого индекса был продиктован широким страновым охватом и высоким качеством данных: многие исследователи считают *WGI* наиболее надежным показателем для проведения современных сравнительных исследований в области изучения качества государственного управления [Charron, Lapuente, Rothstein 2010; Bigsten, Platteau, Tengstam 2011]. Проблема отсутствия у получаемых компонент свойств внутренней валидности, на которую указывают отдельные авторы [Thomas 2010], учтена нами при переходе к комплексному показателю качества институтов. Это оказалось возможным в связи с наличием высоких показателей корреляции между исходными переменными, поскольку, как отмечалось выше, взаимные корреляции не составляют проблемы для измерения качества государства в *WGI*, но могут создать проблему для измерения государственной состоятельности в нашем исследовании. Полученная нами “свертка” этих величин в один индекс отражает, на наш взгляд, наиболее емкую характеристику административной способности государства, вытекающую из предложенной выше концептуализации. Далее мы будем обращаться к этому индикатору как к “*качеству институтов*”.

Еще одним измерением административной состоятельности для нас служит показатель уровня теневой экономики, которую можно определить как экономическую деятельность, скрытую от официальных властей по денежным, нормативным и институциональным причинам [Medina, Schneider 2017: 3]. Отдельные авторы отмечают, что низкий показатель уровня теневой экономики — ключевой индикатор способности государства к извлечению ресурсов для своего функционирования [Ottervik 2013: 11]. Подобный подход представляется справедливым, однако не учитывающим, на наш взгляд, специфику рассматриваемой переменной, так как существование “серой экономической зоны” и наличие определенных препятствий для институционализации неподконтрольной государству занятости говорит в первую очередь о низком качестве государственного управления. Используемая в рамках исследования переменная, представляющая собой долю теневой экономики в совокупном ВВП, рассчитывается командой немецкого экономиста Ф. Шнайдера через набор экономических показателей [Medina, Schneider 2018]. Для дальнейшей содержательной интерпретации мы перешли к рассмотрению показателя легальной экономики в процентах к ВВП, который отражает уровень открытости и прозрачности для правительства совершаемой в рамках государства экономической деятельности хозяйствующих субъектов. Наша идея состояла в том, чтобы привести этот индикатор в соответствие с предложенной ранее концептуализацией бюрократическо-административной способности: чем выше доля легального сектора экономики, тем выше эффективность администрирования государством собственной территории и населения. В эмпирической части исследования переменная называется “*легальная экономика*”.

Полученный нами набор индикаторов является отправной точкой для проведения эмпирического сравнительного исследования, позволяющего выделить устойчивые структуры государственной состоятельности при обращении к соответствующим многомерным методам статистического анализа.

В рамках дальнейшей работы в следующей статье мы планируем подробно остановиться на рассмотрении восьми типов государственной состоятельности 142 государств (по состоянию на 2015 г.) и представить наши размышления относительно существования разных вариантов государственного развития в современном мире.

DOI: 10.17976/jpps/2019.02.02

HOW AND WHY SHOULD WE MEASURE AND COMPARE STATE CAPACITY OF DIFFERENT COUNTRIES? THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS

A.S. Akhremenko¹, I.E. Gorelskiy¹, A.Yu. Melville¹

¹National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia

AKHREMENKO, Andrei Sergeevich, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Professor of Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, Programme Academic Supervisor of Master's Programme "Applied Politics", email: aakhremenko@hse.ru; **GORELSKIY, Il'ya Evgen'evich**, MA student of Master's Programme "Applied Politics" of Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, email: iegorelskiy@edu.hse.ru; **MELVILLE, Andrei Yur'evich**, Dr. Sci. (Philos.), Professor, Dean of Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, Distinguished Scholar of Russia, email: amelville@hse.ru

Akhremenko A.S., Gorelskiy I.E., Melville A.Yu. How and Why Should We Measure and Compare State Capacity of Different Countries? Theoretical and Methodological Foundations. – Polis. Political Studies. 2019. No. 2. P. 8-23. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.02>

Acknowledgements. The study was carried out by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 17-18-01651) in the National Research University Higher School of Economics. We are grateful to T. Volgy, Gr. Gill, W. Thompson, F.T. Aleskerov, M.V. Ilyin, M.G. Mironyuk, V.I. Yakuba, A.L. Myachin and to our other colleagues for the valuable comments received during the work.

Received: 06.11.2018. Accepted: 26.12.2018

Abstract. This article discusses the theoretical and methodological foundations of the state capacity, which is defined as the ability of a state to choose and effectively implement its own decisions, changing domestic and foreign policy. The authors emphasize that one of the distinctive features of the concept is its multidimensionality, which leads them to the idea of considering state capacity as a complex phenomenon, a set of interrelated "capacities" that a modern state possesses. In accordance with this assumption, the authors dwell on three main dimensions of state capacity: coercive (ensuring external security and internal order), extractive (financial resources available to the state) and administrative-bureaucratic (quality of administrative and bureaucratic institutions) capacities of the state. The choice of measurements was based primarily on the idea that any modern state has key ("umbrella") functions, which in turn can serve as a criterion for comparative studies. During the process of operationalization, the authors emphasize the particular importance of striking a balance between "maximalist" and "minimalist" approaches to the selection of indicators. Within the framework of the study, some rationales for the use of a set of indicators of state capacity are given (data on military expenditures and an aggregate measure of control over violence for coercive capacity, tax extraction and total government revenues (both in percent of GDP) for extractive capacity and an aggregate indicator of governance and institutional quality and the level of shadow economy for administrative-bureaucratic capacity), and it will serve as the basis for conducting an empirical study and identifying the selection of stable structures typical for certain groups of countries.

Keywords: state capacity, power and influence, methodology, measurement, quantitative and qualitative methods, institutional quality, control of violence, legal economy, state taxes and revenues, comparative analysis.

References

- Acemoglu D., Garcia-Jimeno C., Robinson J.A. 2015. State Capacity and Economic Development: A Network Approach. – *American Economic Review*. Vol. 105. No. 8. P. 2364-2409. <https://dx.doi.org/10.1257/aer.20140044>
Afzal S.W. 2015. Determinants of Political Capacity in Developing States: Focus on Asia and Africa. – *International Journal of Multidisciplinary Research and Development*. Vol. 2. No. 8. P. 94-96.

- Albertus M., Menaldo V. 2012. Coercive Capacity and the Prospects for Democratization. — *Comparative Politics*. Vol. 44. No. 2. P. 151-169. <https://doi.org/10.5129/001041512798838003>
- Andersen D., Møller J., Rørbæk L.L., Skaaning S.-E. 2014. State Capacity and Political Regime Stability. — *Democratization*. Vol. 21. No. 7. P. 1305-1325. <https://doi.org/10.1080/13510347.2014.960204>
- Arbetman-Rabinowitz M., Johnson K. 2007. *Relative Political Capacity: Empirical and Theoretical Underpinnings*. Claremont, Cal.: Sentia Group; University of Rhode Island, Claremont. 16 p.
- Bäck H., Hadenius A. 2008. Democracy and State Capacity: Exploring a J-Shaped Relationship. — *Governance. An International Journal of Policy, Administration, an Institutions*. Vol. 21. No. 1. P. 1-24. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0491.2007.00383.x>
- Berliner D., Greenleaf A., Lake M., Noveck J. 2015. Building Capacity, Building Rights? State Capacity and Labor Rights in Developing Countries. — *World Development*. Vol. 72. P. 127-139. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2015.02.018>
- Besley T., Persson T. 2009. The Origins of State Capacity: Property Rights, Taxation, and Politics. — *American Economic Review*. Vol. 99. No. 4. P. 1218-1244. <https://doi.org/10.1257/aer.99.4.1218>
- Besley T., Persson T. 2010. State Capacity, Conflict, and Development. — *Econometrica*. Journal of the Econometric Society. Vol. 78. No. 1. P. 1-34. <https://doi.org/10.3982/ECTA8073>
- Besley T., Persson T. 2014. The Causes and Consequences of Development Clusters: State Capacity, Peace, and Income. — *Annual Review of Economics*. Vol. 6. No. 1. P. 927-949. <https://doi.org/10.1146/annurev-economics-080213-041128>
- Bigsten A., Platteau J.Ph., Tengstam S. 2011. *The Aid Effectiveness Agenda: The Benefits of Going Ahead. Final Report*. European Commission & SOGES. 169 p.
- Blankenship B. 2018. When Do States Take the Bait? State Capacity and the Provocation Logic of Terrorism. — *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 62. No. 2. P. 381-409. <https://doi.org/10.1177/0022002716645656>
- Braithwaite A. 2010. Resisting Infection: How State Capacity Conditions Conflict Contagion. — *Journal of Peace Research*. Vol. 47. No. 3. P. 311-319. <https://doi.org/10.1177/0022343310362164>
- Bräutigam D. 2002. Building Leviathan: Revenue, State Capacity and Governance. — *IDS Bulletin*. Vol. 33. No. 3. P. 1-17. <https://doi.org/10.1111/j.1759-5436.2002.tb00034.x>
- Carbone G., Memoli V. 2015. Does Democratization Foster State Consolidation? Democratic Rule, Political Order, and Administrative Capacity. — *Governance. An International Journal of Policy, Administration, an Institutions*. Vol. 28. No. 1. P. 5-24. <https://doi.org/10.1111/gove.12056>
- Cardenas M., Eslava M., Ramirez S. 2016. Why Internal Conflict Deteriorates State Capacity? Evidence from Colombian Municipalities. — *Defence and Peace Economics*. Vol. 27. No. 3. P. 353-377. <https://doi.org/10.1080/10242694.2014.955668>
- Charron N. 2016. Diverging Cohesion? Globalisation, State Capacity and Regional Inequalities Within and Across European Countries. — *European Urban and Regional Studies*. Vol. 23. No. 3. P. 355-373. <https://doi.org/10.1177/0969776413512844>
- Charron N., Lapuente V., Rothstein B. 2010. Measuring the Quality of Government and Subnational Variation. — *University of Gothenburg*. Report for the European Commission Directorate-General Regional Policy Directorate Policy Development. 161 p. URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docgener/studies/pdf/2010_government_1.pdf (accessed 07.02.2019).
- Cheibub J. 1998. Political Regimes and the Extractive Capacity of Governments: Taxation in Democracies and Dictatorship. — *World Politics*. Vol. 50. No. 3. P. 349-376. <https://doi.org/10.1017/S0043887100012843>
- Cingolani L. 2013. The State of State Capacity: A Review of Concepts, Evidence and Measures. — *MERIT (Maastricht Economic and Social Research Institute on Innovation and Technology) Working Papers*. No. 053. United Nations University. 58 p.
- Cortright D., Seyle C., Wall K. 2013. Governance, Democracy, and Peace: How State Capacity and Regime Type Influence the Prospects for War and Peace. — *One Earth Future Foundation*. Discussion Paper. 42 p. <https://doi.org/10.18289/OEF.2013.006>
- Dincecco M., Katz G. 2016. State Capacity and Long-Run Economic Performance. — *The Economic Journal*. Vol. 126. No. 590. P. 189-218. <https://doi.org/10.1111/eoj.12161>
- Edin M. 2003. State Capacity and Local Agent Control in China: CCP Cadre Management from a Township Perspective. — *The China Quarterly*. Vol. 173. P. 35-52. <https://doi.org/10.1017/S0009443903000044>
- Englehart N.A. 2009. State Capacity, State Failure, and Human Rights. — *Journal of Peace Research*. Vol. 46. No. 2. P. 163-180. <https://doi.org/10.1177/0022343308100713>
- Evans P.B., Rueschemeyer D., Skocpol T. 1985. *Bringing the State Back In*. Cambridge: Cambridge University Press. 404 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511628283>
- Fjelde H., De Soysa I. 2009. Coercion, Co-Optation, or Cooperation?: State Capacity and the Risk of Civil War, 1961-2004. — *Conflict Management and Peace Science*. Vol. 26. No. 1. P. 5-25. <https://doi.org/10.1177/0738894208097664>

- Foa R.S., Nemirovskaya A. 2016. How State Capacity Varies within Frontier States: A Multicountry Subnational Analysis. — *Governance. An International Journal of Policy, Administration, and Institutions*. Vol. 29. No. 3. P. 411-432. <https://doi.org/10.1111/gove.12190>
- Fortin J. 2010. A Tool to Evaluate State Capacity in Post-Communist Countries, 1989-2006. — *European Journal of Political Research*. Vol. 49. No. 5. P. 654-686. <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2009.01911.x>
- Fortin-Rittberger J. 2014a. Does Weak State Capacity Lead to Vertically Concentrated Executives? — *APSA 2014 Annual Meeting Paper*. 26 p.
- Fortin-Rittberger J. 2014b. Exploring the Relationship between Infrastructural and Coercive State Capacity. — *Democratization*. Vol. 21. No. 7. P. 1244-1264. <https://doi.org/10.1080/13510347.2014.960207>
- Fukuyama F. 2004. *State-Building: Governance and World Order in the 21st Century*. New York: Cornell University Press. 160 p.
- GBD (Global Burden of Disease). *Global Burden of Disease Study 2016 (GBD 2016)*. URL: <http://ghdx.healthdata.org/gbd-2016> (accessed 07.02.2019).
- Gennaioli N., Voth H.-J. 2015. State Capacity and Military Conflict. — *The Review of Economic Studies*. Vol. 82. No. 4. P. 1409-1448. <https://doi.org/10.1093/restud/rdv019>
- Gibler D.M., Miller S.V. 2014. External Territorial Threat, State Capacity, and Civil War. — *Journal of Peace Research*. Vol. 51. No. 5. P. 634-646. <https://doi.org/10.1177/0022343314531003>
- Hanson J.K., Sigman R. 2013. Leviathan's Latent Dimensions: Measuring State Capacity for Comparative Political Research. — *APSA 2011 Annual Meeting*. 28 p.
- Hanson J.K., Sigman R. 2016. State Capacity and World Bank Project Success. — *Annual Meeting of the Midwest Political Science Association, Chicago, Illinois*. Presentation Paper. 31 p.
- Hanson J.K. 2018. State Capacity and the Resilience of Electoral Authoritarianism: Conceptualizing and Measuring the Institutional Underpinnings of Autocratic Power. — *International Political Science Review*. Vol. 39. No. 1. P. 17-32. <https://doi.org/10.1177/0192512117702523>
- Hau M.V. 2012. State Capacity and Inclusive Development: New Challenges and Directions. — *Effective States and Inclusive Development Research Centre*. Working Paper 2. 40 p. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2141771>
- Hendrix C.S. 2010. Measuring State Capacity: Theoretical and Empirical Implications for the Study of Civil Conflict. — *Journal of Peace Research*. Vol. 47. No. 3. P. 273-285. <https://doi.org/10.1177/0022343310361838>
- Herrera H., Martinelli C. 2013. Oligarchy, Democracy, and State Capacity. — *Economic Theory*. Vol. 52. No. 1. P. 165-186. <https://doi.org/10.1007/s00199-011-0665-z>
- Huntington S.P. 1968. *Political Order in Changing Societies*. New Haven: Yale University Press. 488 p.
- Jackman R.W. 1993. *Power without Force: The Political Capacity of Nation-States*. The University of Michigan Press. 208 p. <https://doi.org/10.3998/mpub.14306>
- Johnson N.D., Koyama M. 2017. States and Economic Growth: Capacity and Constraints. — *Explorations in Economic History*. Vol. 64. P. 1-20. <https://doi.org/10.1016/j.eeh.2016.11.002>
- Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M. 2011. The Worldwide Governance Indicators: Methodology and Analytical Issues. — *Hague Journal on the Rule of Law*. Vol. 3. No. 2. P. 220-246. <https://doi.org/10.1017/S1876404511200046>
- Kjær A.M., Hansen O.H., Thomsen J.P.F. 2002. Conceptualizing State Capacity. — *Democracy, the State, and Administrative Reforms. DEMSTAR Research Report*. No. 6. URL: <https://ru.scribd.com/document/139828906/ConceptualizingStateCapacity-Hensen-e-Thomsen> (accessed 07.02.2019).
- Knutsen C.H. 2013. Democracy, State Capacity, and Economic Growth. — *World Development*. Vol. 43. P. 1-18. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2012.10.014>
- Kraxberger B.M. 2007. Failed States: Temporary Obstacles to Democratic Diffusion or Fundamental Holes in the World Political Map? — *Third World Quarterly*. Vol. 28. No. 6. P. 1055-1071. <https://doi.org/10.1080/01436590701507420>
- Kugler J., Tammen R.L. 2012. *The Performance of Nations*. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield Publishers. 348 p.
- Lindvall J., Teorell J. 2016. State Capacity as Power: A Conceptual Framework. — *STANCE Working Paper Series*. Vol. 2016. No. 1. 21 p. Lund: Department of Political Science, Lund University.
- Mann M. 1984. The Autonomous Power of the State: Its Origins, Mechanisms and Results. — *European Journal of Sociology*. Vol. 25. No. 2. P. 185-213. <https://doi.org/10.1017/S0003975600004239>
- Mares I. 2005. Social Protection Around the World: External Insecurity, State Capacity, and Domestic Political Cleavages. — *Comparative Political Studies*. Vol. 38. No. 6. P. 623-651. <https://doi.org/10.1177/0010414004274403>
- Marshall M.G. 2017. Major Episodes of Political Violence (MEPV) and Conflict Regions, 1946-2016. — *Codebook: Major Episodes of Political Violence (MEPVv2016)*. 17 p. URL: <http://www.systemicpeace.org/>

inscr/MEPVcodebook2016.pdf (accessed 07.02.2019). See also: URL: <https://www.systemicpeace.org/warlist/warlist.htm> (accessed 07.02.2019).

Mason T.D., Greig J.M. 2017. State Capacity, Regime Type, and Sustaining the Peace after Civil War. — *International Interactions. Empirical and Theoretical Research in International Relations*. Vol. 43. No. 6. P. 967-993. <https://doi.org/10.1080/03050629.2017.1260012>

Mazucca S.L., Munck G.L. 2014. State or Democracy First? Alternative Perspectives on the State-Democracy Nexus. — *Democratization*. Vol. 21. No. 7. P. 1221-1243. <https://doi.org/10.1080/13510347.2014.960209>

McNabb K. 2017. Toward Closer Cohesion of International Tax Statistics. — *World Institute for Development Economic Research (UNU-WIDER). WIDER Working Paper*. No. 184. 18 p.

Medina L., Schneider F. 2017. Shadow Economies around the World: New Results for 158 Countries over 1991-2015. — *CESifo Working Paper Series*. No. 6430. 30 p.

Medina L., Schneider F. 2018. Shadow Economies Around the World: What Did We Learn Over the Last 20 Years? — *IMF Working Paper. International Monetary Fund*. Vol. 18/17. 76 p. <https://doi.org/10.5089/9781484338636.001>

Melville A., Stukal D., Mironyuk M. 2013. Trajectories of Regime Transformation and Types of Stateness in Post-communist Countries. — *Perspectives on European Politics and Society*. Vol. 14. No. 4. P. 431-459. <https://doi.org/10.1080/15705854.2013.772749>

Nettl J.P. 1968. The State as a Conceptual Variable. — *World Politics*. Vol. 20. No. 4. P. 559-592. <https://doi.org/10.2307/2009684>

Organski A.F.K., Kugler J. 1980. *The War Ledger*. Chicago: University of Chicago Press. 299 p.

Ottervik M. 2013. Conceptualizing and Measuring State Capacity: Testing the Validity of Tax Compliance as a Measure of State Capacity. — *QOG Working Paper Series (University of Gothenburg)*. No. 20. 39 p.

Pattnayak S.R. 1995. Third World Modernization, Dependency, and State Coercive Capacity. — *International Review of Modern Sociology*. Vol. 25. No. 1. P. 1-18.

Political Capacity and Economic Behavior (ed. by Arbetman M., Kugler J.). 1997. Boulder: Westview Press. 338 p.

Popov V. 2011. Developing New Measurements of State Institutional Capacity. — *Central Economics and Mathematics Institute (CEMI), New Economic School (NES)* (Unpublished Manuscript). 8 p. <https://doi.org/10.2139/ssrn.1893825>

Rajan R.G. 2009. Rent Preservation and the Persistence of Underdevelopment. — *American Economic Journal: Macroeconomics*. Vol. 1. No. 1. P. 178-218. <https://doi.org/10.1257/mac.1.1.178>

Raleigh C., Dowd C. 2015. *Armed Conflict Location and Event Data Project (ACLED) Codebook*. 24 p. URL: https://www.acleddata.com/wp-content/uploads/2015/01/ACLED_Codebook_2015.pdf (accessed 07.02.2019).

Robinson M. 2008. Hybrid States: Globalisation and the Politics of State Capacity. — *Political Studies*. Vol. 56. No. 3. P. 566-583. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.2008.00751.x>

Salehyan I., Hendrix C.S., Hamner J., Case C., Linebarger C., Stull E., Williams J. 2012. Social Conflict in Africa: A New Database. — *International Interactions. Empirical and Theoretical Research in International Relations*. Vol. 38. No. 4. P. 503-511. <https://doi.org/10.1080/03050629.2012.697426>

Savoia A., Sen K. 2012. Measurement and Evolution of State Capacity: an Exploration of a Lesser Known Aspect of Governance. — *ESID Working Paper. University of Manchester*. No. 10. 28 p.

Schedler A. 2012. Judgment and Measurement in Political Science. — *Perspectives on Politics*. Vol. 10. No. 1. P. 21-36. <https://doi.org/10.1017/S1537592711004889>

Schwartz J. 2003. The Impact of State Capacity on Enforcement of Environmental Policies: The Case of China. — *The Journal of Environment & Development*. Vol. 12. No. 1. P. 50-81. <https://doi.org/10.1177/1070496502250438>

Seeberg M.B. 2014. State Capacity and the Paradox of Authoritarian Elections. — *Democratization*. Vol. 21. No. 7. P. 1265-1285. <https://doi.org/10.1080/13510347.2014.960210>

Seeberg M. 2018. Electoral Authoritarianism and Economic Control. — *International Political Science Review*. Vol. 39. No. 1. P. 33-48. <https://doi.org/10.1177/0192512117692802>

Sekeris P.G. 2015. State Power, State Capacity, and Development. — *Peace Economics, Peace Science and Public Policy*. Vol. 21. No. 4. P. 553-560. <https://doi.org/10.1515/peps-2015-0043>

SIPRI (Stockholm International Peace Research Institute). 2017. *SIPRI Military Expenditure Database, 1949-2017*. URL: <https://www.sipri.org/databases/milex> (accessed 07.02.2019).

Slater D. 2008. Can Leviathan Be Democratic? Competitive Elections, Robust Mass Politics, and State Infrastructural Power. — *Studies in Comparative International Development*. Vol. 43. No. 3-4. P. 252-272. <https://doi.org/10.1007/s12116-008-9026-8>

Slater D., Fenner S. 2011. State Power and Staying Power: Infrastructural Mechanisms and Authoritarian Durability. — *Journal of International Affairs*. Vol. 65. No. 1. P. 15-29.

Sobek D. 2010. Masters of Their Domains: The Role of State Capacity in Civil Wars. — *Journal of Peace Research*. Vol. 47. No. 3. P. 267-271. <https://doi.org/10.1177/0022343310362295>

Soifer H. 2008. State Infrastructural Power: Approaches to Conceptualization and Measurement. — *Studies in Comparative International Development*. Vol. 43. No. 3-4. P. 231-251. <https://doi.org/10.1007/s12116-008-9028-6>

Soifer H., vom Hau M. 2008. Unpacking the Strength of the State: The Utility of State Infrastructural Power. — *Studies in Comparative International Development*. Vol. 43. No. 3-4. P. 219-230. <https://doi.org/10.1007/s12116-008-9030-z>

Stepping K.M.K., Banholzer L. 2017. *Autocratic Angels? Democratic Demons? The Impact of Regime Type, State Capacity and Economic Development on Reaching Environmental Targets*. Discussion Paper. Bonn: Deutsches Institut für Entwicklungspolitik gGmbH. 40 p.

Sundberg R., Melander E. 2013. Introducing the UCDP Georeferenced Event Dataset. — *Journal of Peace Research*. Vol. 50. No. 4. P. 523-532. <https://doi.org/10.1177/0022343313484347>

Thies C.G. 2010. Of Rulers, Rebels, and Revenue: State Capacity, Civil War Onset, and Primary Commodities. — *Journal of Peace Research*. Vol. 47. No. 3. P. 321-332. <https://doi.org/10.1177/0022343310361841>

Thomas M.A. 2010. What Do the Worldwide Governance Indicators Measure? — *The European Journal of Development Research*. Vol. 22. No. 1. P. 31-54. <https://doi.org/10.1057/ejdr.2009.32>

Tilly C. 1992. *Coercion, Capital, and European States, AD 990-1992*. Cambridge, MA: Blackwell. 284 p.

UNODC (United Nations Office on Drugs and Crime). 2015. *Intentional Homicide Victims, Counts and Rates per 100,000 Population*. URL: <https://dataunodc.un.org/crime/intentional-homicide-victims> (accessed 07.02.2019).

Wang S. 1995. The Rise of the Regions: Fiscal Reform and the Decline of Central State Capacity in China. — *The Waning of the Communist State: Economic Origins of Political Decline in China and Hungary* (ed. by A.G. Walder). Berkeley: University of California Press. P. 87-113.

Way L.A. 2003. Weak States and Pluralism: The Case of Moldova. — *East European Politics and Societies: and Cultures*. Vol. 17. No. 3. P. 454-482. <https://doi.org/10.1177/0888325403255309>

White D., Herzog M. 2016. Examining State Capacity in the Context of Electoral Authoritarianism, Regime Formation and Consolidation in Russia and Turkey. — *Southeast European and Black Sea Studies*. Vol. 16. No. 4. P. 551-569. <https://doi.org/10.1080/14683857.2016.1242891>

Akhremenko A.S., Lokshin I.M., Petrov A.P. 2016. Institutional Possibility Frontier and Total Factor Productivity: Towards a Theoretical Synthesis. — *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 95-113. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.07>

Melville A.Yu., Efimov D.B. 2016. “The Democratic Leviathan”? Regime Change, State Capacity, and Challenge of Interdependence. — *Political Science (RU)*. No. 4. P. 47-73. (In Russ.) URL: <http://inion.ru/site/assets/files/3454/4.pdf> (accessed 07.02.2019).

Melville A.Yu., Stukal D.K., Mironyuk M.G. 2012. State Consistency, Democracy and Democratization (On the Example Post-Communist Countries). — *Political Science (RU)*. No. 4. P. 83-105. (In Russ.)

Melville A.Yu., Stukal D.K., Mironyuk M.G. 2012. Trajectories of Regime Transformations and Types of State Consistency. — *Polis. Political Studies*. No. 2. P. 8-30. (In Russ.) URL: <http://www.politstudies.ru/en/article/4532> (accessed 07.02.2019).

Литература на русском языке

Ахременко А.С., Локшин И.М., Петров А.П. 2016. Граница институциональных возможностей и производительность общественных систем: к теоретическому синтезу. — *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 95-113. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.07>

Мельвиль А.Ю., Ефимов Д.Б. 2016. “Демократический Левиафан”? Режимные изменения и государственная состоятельность — проблема взаимосвязи. — *Политическая наука*. № 4. С. 47-73. URL: <http://inion.ru/site/assets/files/3454/4.pdf> (accessed 07.02.2019).

Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. 2012а. Государственная состоятельность, демократия и демократизация (на примере посткоммунистических стран). — *Политическая наука*. № 4. С. 83-105.

Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. 2012б. Траектории режимных трансформаций и типы государственной состоятельности. — *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 8-30. URL: <http://www.politstudies.ru/article/4532> (accessed 07.02.2019).